

ЕВГЕНИЙ ШВАРЦ.

ОДНА НОЧЬ.

Пьеса в трех действиях.

Издательство электронных книг HNNY
Израиль, 2011

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

МАРФА ВАСИЛЬЕВА

ДАША – её дочь

СЕРЕЖА – её сын

ИВАНЕНКОВ ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ – управхоз

ЛАГУТИН ЗАХАР ИВАНОВИЧ – монтер

АРХАНГЕЛЬСКАЯ ЕЛЕНА ОСИПОВНА – командир. санзвена.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА – домашняя хозяйка

ОЛЯ

НЮСЯ

ШУРИК

Корделия
...Нет, я не бедна –
Любовью я богаче, чем словами.
Шекспир, «Король Лир». Сцена I
(Перев. Б. Пастернака)

ДЕЙСВТИЕ ПЕРВОЕ.

Восемь часов вечера. Контора домохозяйства № 263, просторная, высокая, со сводчатыми потолками. По конторе из угла в угол шагает, бормоча что-то, монтер домохозяйства, старик а круглых очках, с аккуратно подстриженной бородкой, ЗАХАР ИВАНОВИЧ ЛАГУТИН. Радиорупор на стене передает непрерывно отчетливый, ровный стук метронома: тик-так, тик-так!

ЛАГУТИН (внезапно останавливаясь). Эх, праздничка, праздничка хочется. Ох, сестрицы, братцы золотые, дорогие, как мне праздничка хочется! Чтоб лег веселый, а встал легкий! Праздника, праздника, праздника бы мне!

Звонит телефон.

Слушаю! Контора домохозяйства № 263. Управхоз вышел. Говорит монтер Лагутин. Потому управхоз не пришел на совещание, что дворника хоронил. А кому еще одинокого дворника хоронить? Человек умер на посту, шел в милицию, а попал под артобстрел. Ладно. Хорошо. Передам. (вешает трубку). Собрания, совещания, совещания, собрания... (Обращается к репродуктору). Тик-так, тик-так! Что ты отсчитываешь? Скажи ты мне – что? Сколько нам жить осталось до наглой смерти или сколько до конца войны? Тик-так, тик-так!...

Вопли за дверь: «Составлю на вас акты, дьяволы!»

Вот и управхоз идет...

Распахивается дверь. Быстро входит высокий человек в старой солдатской шинели. В барашковой шапке с ушами. Это управхоз ИВАНЕНКОВ.

ИВАНЕНКОВ. Вы у меня дождетесь, трепачи проклятые! Шутки шутят в условиях ожесточенного города!

ЛАГУТИН. Чего ты расстраиваешься?

ИВАНЕНКОВ. Да как мне не расстраиваться? Этот чертов Шурик стоит в коридоре и подымает панику.

ЛАГУТИН. Каким манером?

ИВАНЕНКОВ. Воздушную тревогу изображает, паразит. У-у-у! У-у-у! До того похоже, что даже я поверил, из квартиры выскочил. Уже 15 лет парню, а он все шутит! Девчонки хохочут, а он старается, воеет. Ну, тут я им показал, по всем лестницам от меня бежали, черти.

ЛАГУТИН. Скучают ребята.

ИВАНЕНКОВ. Молчи! Ты что жуешь?

ЛАГУТИН. Да нет, это я так, бормочу.

ИВАНЕНКОВ. Займи сухарик, я отдам.

ЛАГУТИН. Нет у меня, Паша, сухариков. Я ведь, Паша, ничего не запас.

ИВАНЕНКОВ. И я не запас. Управхозу нельзя запастись. Сегодня одна гражданка в булочной научила, как обращаться с соевыми бобами. Надо их, Захар, сырыми поджарить, пока не зарумянятся, а потом уже в воду. Тут только они, проклятые разварятся.

ЛАГУТИН. Пробовал?

ИВАНЕНКОВ. Нет.

ЛАГУТИН. Почему?

ИВАНЕНКОВ. Бобов нету.

ЛАГУТИН. В квартире 28 домработница живет, Зина, ее тетки сосед в штабе работает. Он говорит, еще только одну декаду нам терпеть. А потом непременно пойдут эшелоны с продовольствием. Со всех концов союза пригнали к нам, Паша, муку белую, крупчатку, сахар, гречу, пшено, рис, масло и животное и растительное, какого только твоя

душа пожелает. Разобьют кольцо, откроется дорога и хлынет к нам, Паша, питание. Ты что ищешь?

ИВАНЕНКОВ. Приказ.

ЛАГУТИН. Опять?

ИВАНЕНКОВ. Надо, надо приказывать, Захар, надо, надо!

ЛАГУТИН. Дергаешь ты народ.

ИВАНЕНКОВ. А его надо дергать. Надо, надо! Не понимает народ, что живет в условиях осажденного города. Буду составлять акт на каждого, кто числится в резерве группы самозащиты, а сам во время сигнала воздушной тревоги сидит себе дома.

ЛАГУТИН. Я допускаю, что народ иногда норовит отдохнуть не во-время, но ты, Паша, погляди на него любовно.

ИВАНЕНКОВ. Ну и что это нам даст?

ЛАГУТИН. Это много даст! Народ держится, Павел Васильевич. И конца не видно этому запасу терпения. Есть ли на земле место серьезнее нашего города? И артобстрел, и бомбежки, и кольцо тебя душит, Паша... А как народ ведет себя? Ты посмотри любовно на это зрелище. Тут музыки нет, блеска не видно, угрюмый шагает перед нами парад, но все таки довольно величественный. Надо бы, Паша, похвалить и приласкать жильцов каждого домохозяйства, каждой квартиры, каждой комнатки.

ИВАНЕНКОВ. Ты его приласкай, а он тебя по морде сапогом.

ЛАГУТИН. Возможно. Народ у нас необходимый, это факт. Но

ИВАНЕНКОВ. Постой! Они опять хохочут! Слышишь?

ЛАГУТИН. Ребята веселятся.

ИВАНЕНКОВ. Сейчас я им покажу. Как хохотать! Они у меня станут грустными, проклятые! В условиях осажденного города.

Дверь распахивается. В комнату вбегает ШУРИК, не по возрасту длинный, узкоплечий подросток.

Ты опять, Шурик? А?

ШУРИК. Мы, дядя Паша, диверсанта поймали.

За дверью хохот.

ИВАНЕНКОВ. Видал? Вот поди приласкай такого! 15 лет парню, а он все шутит!

ШУРИК. Дядя Паша!..

ИВАНЕНКОВ. Я тебе не дядя!

ШУРИК. (очень мягко). Дядечка, послушайте, если человек ходит по коридорам и расспрашивает, где тут управхоз сидит, то что нам делать? Мы его, дядечка, взяли. Она послушалась, идет.

ИВАНЕНКОВ. Кто она?

ШУРИК. Диверсант.

За дверью хохот.

ИВАНЕНКОВ. Пошел вон из конторы.

ШУРИК. Дядечка, вы посмотрите сами. Нюся, Оля, ведите её!

ИВАНЕНКОВ. Ну, Берегись, Шурик. Если это опять шуточки, а то я тебя убью отвечать не буду!

НЮСЯ и ОЛЯ вводят, хихикая, суровую пожилую женщину. Это МАРФА.

ИВАНЕНКОВ. Ну? В чем дело? Кто вы такая?

МАРФА. Приезжая.

ИВАНЕНКОВ. Кто, кто?

МАРФА. Я же тебе ответила. Подвинь стул, мальчик. Видишь, кажется, усталый человек перед тобой. (Усаживается).

ИВАНЕНКОВ. Когда приехали?

МАРФА. Только что.

ИВАНЕНКОВ. Когда, когда?

МАРФА. Да ты, отец, кажется оглох. Я отвечаю тебе: только что.

ИВАНЕНКОВ. К нам только что не приезжают.

МАРФА. Отчего же это?

ИВАНЕНКОВ. К нам проезда нет!

МАРФА. А я вот приехала.

ИВАНЕНКОВ. Откуда?

МАРФА. Из Ореховца.

ИВАНЕНКОВ. Ореховец по ту сторону от нас.

МАРФА. Это мне, отец, лучше, чем тебе, известно.

ИВАНЕНКОВ. Документы!

МАРФА. А я у тебя прописываться не собираюсь. Не таращи на меня глаза. Я сам у нас в городе была квартальным уполномоченным, меня не испугаешь.

ИВАНЕНКОВ. А раз была, так должна ты меня понимать.

МАРФА. Я тебя понимаю. Очень хорошо понимаю. Ты управхозом недавно, и в тебе как гвоздик сидит. Пришел к тебе человек. Шел через фронты – значит, не пустяк погнал его из дому. А ты сразу начинаешь кричать, глаза лупить.

ИВАНЕНКОВ. Теперь каждое домохозяйство – объект. Понимаешь – ты объект! А я начальник объекта. Отвечай мне, кто ты такая или пойдешь сейчас же в милицию.

МАРФА. Вы, мужики, хуже детей. Только бы ему изображать, только бы ему искажаться! На! Вот документы. (Роемся в боковых карманах шубы). Спросил бы меня сразу, спокойно, кто такая, откуда, что тебе тут нужно – и все бы прояснилось. Нет. Надо кричать, на спор вызывать, когда человек расстроен. Читай.

Иваненков читает сосредоточенно документы.

ШУРИК. Тетя, скажите что-нибудь по-немецки.

Нюся и Оля хохочут.

МАРФА. Эх, ребята, ребята... Тебя как зовут?

НЮСЯ. Нюся.

МАРФА. На племянницу мою ты похожа. Такая же была хорошенькая, да веселенькая, а потом, бедная, воровочкой стала. Уж так не хотелось, уж так она плакала, а пришлось.

НЮСЯ. А почему?

МАРФА. В такую компанию попала...

НЮСЯ. У нас компания хорошая.

МАРФА. Я не к тому. Я так просто вспоминала.

ШУРИК. Тетя, а вас Гитлер лично послал или...

ОЛЯ. Довольно, идиот. Сказал раз и хватит.

НЮСЯ. Никогда остановиться не может.

МАРФА. Эх ребята, ребята. Вы, девушки, уже совсем невесты, этот Шурик уже ростом с каланчу, от детей оторвались. Но к взрослым еще не пристали. Скучаете. А?

ОЛЯ. Не знаю.

МАРФА. Большие уже. (Иваненкову). Ну! Выучил наизусть.

ИВАНЕНКОВ. Стой, стой. Так. Ты, значить, Марфа Васильева из города Ореховец? Кем выдан паспорт?

МАРФА. Вторым отделением милиции, начальник паспортного стола Глебов. Него допрашивать меня. Лучше ты мне скажи, живет ли у вас в доме Васильева Дарья?

ИВАНЕНКОВ. Я не могу тебе давать справок о жильцах.

МАРФА. Почему?

ИВАНЕНКОВ. Не такое время.

МАРФА. Ну вы кто-нибудь скажите – Васильевой не знаете? А? Дарья.

ЛАГУТИН. Не знаю тетка. Я бы тебе сказал, честное слово.

МАРФА. Нет, этого не может быть. Что же я напрасно иду две недели! Ты! Управхоз! Скажи только – да или нет. Живет – не живет? Ведь если спрашивают – значит, нужно. Ну чего ты боишься? Ты в меня взглядишь, вот она я вся! Своя же!

ИВАНЕНКОВ. Никаких справок не дам.

МАРФА. Дашь!

ИВАНЕНКОВ. Не дам!

МАРФА. Я с генералом говорила на фронте, дурак ты!

ИВАНЕНКОВ. Тетка, тетка!

МАРФА. Он мне все разъяснил. Он приказал меня через озеро по льду переправить. Мне капитан по компасу путь показал и дал мне с собою компас – вот он. Бойцы со мною как с сестрой или с матерью родной разговаривали, а ты в самом конце пути ставишь мне препятствия! Черт!

ИВАНЕНКОВ. Не повышай глосса, гражданка!

МАРФА. Да как же мне не повышать голоса? Добралась сюда, а тут дороги никто не показывает, справок не дает, косятся на тебя. Что это за город!

ИВАНЕНКОВ. Осажденный город, тетка.

МАРФА. У тебя дети есть?

ИВАНЕНКОВ. Это дело мое.

МАРФА. Дарья Васильева мне дочка – понимаешь ты? Но не только в это дело. Если я ее сейчас, сегодня не найду, такая беда может произойти, что подкосит она меня.

НЮСЯ. Дайте ей справку, а дядя Паша.

ИВАНЕНКОВ. Васильева Дарья у нас не проживает.

МАРФА. Проверь!

ИВАНЕНКОВ. Я своих жильцов знаю.

МАРФА. Она только восьмой день как переехала к вам! Её прежний дом разбило. Все жильцы этого дома ордера получили к вам сюда. Если ее тут нет, тогда где же она? Ну?

ИВАНЕНКОВ. Не могу тебе сказать.

ЛАГУТИН. А где жила ваша дочь?

МАРФА. Лавров переулок, дом шесть, квартира восемь.

ЛАГУТИН. Действительно, должна она быть тут. Посмотри списки Паша.

ИВАНЕНКОВ. Я и так знаю, что Дарья Васильева у нас не проживает.

МАРФА. 24 года ей. Старшая моя дочь. Не заставляй ты меня терять время! Мне её нужно, нужно сегодня найти! Я знаю, что она жива: в том доме жертв не было. Где она?

Распахивается дверь, и в комнату заглядывает Ольга Петровна.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. У кого пятый крупяной талон не вырезан – ой, мамочки мои, холод какой, – тот может ноги получить. Ой-ой-ой, замерзла. Из ног можно студень сделать. Бррр...

ШУРИК. (очень мягко). Из чьих это ног, тетя Оля? Из ваших?

Девочки хохочут.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Из телячьих, хулиган, а не из моих. По пятому крупяному телячьи ноги дают. Не ноги, а копытца с верхушкой. По рабочей и детской – кило, а остальным – 750. Черный Вал взяли мы. Тетка, продаешь что-нибудь? Дуранды нет?

МАРФА. Нет.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. А может, хряпа есть?

ЛАГУТИН. Зайдите пожалуйста, сюда, Ольга Петровна, не студите контору.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Некогда, некогда. Посидите за меня еще только пять минуточек, Захар Иванович, я только домой сбегая. Что же ты меняешь, тетя?

МАРФА. Ничего у меня нет.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Как нет? Ты же у меня выменяла позавчера носочки за вермишель?

МАРФА. Оставьте вы меня, гражданочка, и без вас тошно.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Так, значит, не у тебя я вермишель брала? Откуда же твое лицо мне знакомо? В девятом номере жиличка пропала. Четвертый день нет ее. Сейчас она мне в очереди заявляла. Старуха из девятого. Сообщаю, мол, вам, как ответственной дежурной.

ИВАНЕНКОВ. Ольга Петровна, или туда или сюда! Сквозит!

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Сейчас я приду. Только домой отнесу хлеб и ножки. Мамочки! Я вспомнила, вам была телефонограмма, товарищ Иваненков. Срочная.

ИВАНЕНКОВ. Спасибо! Ответственная дежурная группы ПВО в гастроном отправляется, а...

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Не в Гастроном я. Только в булочную. В Гастроном-то я так, мимоходом, забежала. Меня Захар Иванович заменял.

ЛАГУТИН. Вы мне про телефонограмму ничего не заявляли.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Разве? Вон она там, товарищ Иваненков, под книжкой. Строгий выговор вам, если вы в девять часов не придете в райсовет. Вы успеете. Еще без четверти девять. Далеко ли тут?

ИВАНЕНКОВ (читает телефонограмму). Не в девять, а в девятнадцать часов мне было приказано явиться!

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Разве?

ИВАНЕНКОВ. Ответственная дежурная! Вы мне ответите! К семи часам вызывали человека, а она по магазинам гуляет! Что мне делать теперь, а?

ЛАГУТИН. Я забыл, Паша. Они звонили еще раз. Я сказал, что ты на кладбище, дворника хоронишь. А они приказали: когда бы ни вернулся, чтобы все равно срочно шел в райсовет. Немедленно.

ИВАНЕНКОВ. И тебе спасибо, старый черт! (Шурику). Пошел вон отсюда!

ШУРИК. Дядя Паша, ведь я ее не принимал.

ИВАНЕНКОВ. Кого её?

ШУРИК. Телефонограмму.

Нюся и Оля хохочут.

ИВАНЕНКОВ. Вон отсюда. Контора домохозяйства не для шуток! Мне ваше хихиканье вымотало всю душу. Вон! Дежурная, займите своё место.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Подожди! Дай отнести...

ИВАНЕНКОВ. Не буду ждать! Вернусь – составлю акт на вас всех! Демоны! Вон отсюда!

Шурик, Оля, Нюся с хохотом убегают.

Займите ваше место, Ольга Петровна! Я приказываю!

ЛАГУТИН. Давай я отнесу покупки.

ИВАНЕНКОВ. Тут тревога с минуты на минуту начнется, а они телефонограммы забывают! Разве я успею теперь в райсовет до тревоги? (Бежит к двери).

МАРФА. Стой! В список, в список взгляни! Убежал, сатана!

ЛАГУТИН. А вы попросите, гражданка, у ответственной дежурной, чтобы она взглянула. Ольга Петровна, займитесь ими.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Вот сейчас раскутаюсь... Захар Иванович, вы там возле печи положите их... На гвоздик авосечку повесьте... Спасибо, Захар Иванович.

Лагутин уходит.

Сейчас крючочек расстегну... Вот. А теперь платочек развяжу. Так. А теперь сниму его. Готово. А теперь бумажечки разложу. Так. Сейчас креслице подвинем. Вот и подвинула. А теперь сядем. Села. Ну, гражданочка, что вы хотели?

МАРФА. Мне нужен список жильцов, переехавших к вам из разрушенного дома.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Ох, видела я этот дом, милая, видела. Сейчас ключики от стола найдем... В самую середину дома угодило... Вот он, ключики, на месте. А где от

чердака ключи? Вот они... Пост номер один. Пост номер два, пост номер три. А вот ключик от поста наблюдения. Всё. Если вам список новых жильцов нужен, то вы бы, гражданочка, к управхозу обратились.

МАРФА. Хоть ты меня не мучай. Пой, я спешу, спешу! Вон в радио часы стучат. Меня каждый стук как иголкой ударяет. Может быть, этот самый миг отсчитан, на который я опоздала... Взгляни в список жильцов, помоги.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. А что у тебя случилось?

МАРФА. Сын сбежал.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Сын?

МАРФА. Да. Взгляни в список, нет ли у вас тут Дарьи Васильевой.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. К ней сбежал?

МАРФА. Даша – это дочь моя. А сын Сережа. С нею, с Дашей, с сестрой, он дружен был. Она старше его на семь лет и как родился Сережа, она, Даша, с ним как с куклой возилась. Вырастила со мной вместе. Он так к ней привязался, что просто удивительно. Мальчишка грубый, неласковый, ум у него мальчишеский. Еще нет семнадцати ему. С Дашей он разговаривал, а со мной, родной матерью, у него один разговор был: «Отстань», да «брось» да «ну вас» - и сбежал.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Куда?

МАРФА. На фронт. Я думала, он со школою на трудовых работах, а он воевать ушел.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Воевать?

МАРФА. В ополчение его не брали, по возрасту. Тогда что он сделал! Взял документы!

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. У кого?

МАРФА. У учителя Соколовского. Молодой был у них учитель истории, двадцати трех лет. А Сережа мой рослый. Можно дать ему столько. Взял он учителя документы, они вместе на трудовых работах, в одном бараке жили. И ушел. Там пока разобрались, куда он ушел, да зачем – его и след простыл. Только две недели назад узнала я чудом, что под фамилией Соколовский поступил он в школу минометчиков.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Вы подумайте.

МАРФА. Я привычная. Я всегда к беде готова. Но она, окаянная, так пути подберет, каждый раз с такой особенной стороны подойдет, с какой и не ждешь её.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Это надо же!

МАРФА. У меня муж на фронте. Ушел тоже в ополчение, а теперь в летучей ремонтной бригаде танки чинит. Миша и Ваня, старшие сыновья, один в артиллерии лейтенант, другой в инженерных войсках. Дочка в вашем городе на военном заводе. Сережа из всех моих детей самый неладный, самый трудный.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Смотрите пожалуйста.

МАРФА. Не могу я его отдать. (Стучит кулаком по столу). Не желаю! Был у меня полный дом! Хороший дом, веселый, терпеливый. Первого – впятером провожали, а последнего – вдвоем. Я говорю: «Ну, Сергей, только ты теперь со мной остался». Молчит. И на труд работы молча уехал.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Это надо же!

МАРФА. Я одна стала жить в доме, ко всем бедам готовая. А кругом вещи мужа да детей. Легко ли это. То Мишина рубашка мне под руку попадет, то Ванин нож перочинный, то Дашин кушачок. Хожу, креплюсь, дела себе придумываю. Писем жду. И вот нате вам! Сережа, дурак нескладный, такую штуку учинил. Не отдам его! Не желаю! Пошла я через все фронты, чтобы забрать его обратно из школы.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. А он не идет?

МАРФА. Школу не могу найти! Перевели её в новое помещение. А куда – не говорят. У них сегодня выпуск! Уедет он – как его искать! Помоги, сделай милость! Даша должна знать, где его школа!

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Да, господа, пожалуйста. Сейчас мы столик отопрем. Вот и отперли. Сейчас мы списочек разыщем. Вот и разыскали.

МАРФА. Васильева, Дарья Степановна, смотри скорей.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Сейчас, сейчас... (Смотрит список). Как хочешь, тетя, можешь обижаться, но нет здесь такой.

МАРФА. Нет?

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Вот слушай сама. Сизых А.И., преп.музыки, 1896 года рождения. Преп. – преподаватель значит. А может, преподавательница. По такой фамилии разве поймешь? Барский С.Н., военный прокурор, 1908 года рождения.

Глухой, но явственный удар.

Вот и артобстрел начался... Краммер А.И., юрисконсульт, 1889 года рождения. Краммер М.М., иждивенка, 1917 года рождения, - на молоденькой женился, это надо же! Кузикова Л.П., пенсионерка, 1874 года рождения. Вот сколько разного народа, без вещей, без крова. Воромыкин Э.Э. Что за имя Э.Э? Эраст Эрастович, наверное. Служащий, 1898 года рождения.

Глухой удар.

Кучеренко В.И., артист, 1870 года рождения. Смотрите-ка! Семьдесят один год, а он все артист. Красовская Д.С., 1918 года рождения.

МАРФА. Она!

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Как, то есть она?

МАРФА. Она, она – я-то и не подумала. Записалась она с ним значит...

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. С кем?

МАРФА. С Колей Красовским. Я не вмешивалась. Но рада все-таки. Записались. Это лучше. Инженер. Тоже из Ореховца. Стой, дай-ка я платок сниму, даже в жар меня ударило. Нашла дочку, а она замужем... Вот, говорила я, что она здесь!

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. А может быть, это не она?

МАРФА. Как же, она! Должность – чертёжница?

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Да. Написано – чертежник.

МАРФА. Она, спасибо, дежурная. В какой она квартире?

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Сейчас скажем. А он то, муж-то, почему к нам не переехал?

МАРФА. А правда, он-то где? Ну, сейчас узнаем... Назови мне квартиру.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА (вскрикивает). Ой!

МАРФА. Что такое?

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Она в девятой квартире прописана.

МАРФА. Ну и что здесь худого?

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. У них жиличка пропала... четвертый день не т её.

МАРФА. Как туда пройти?

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Постой... Там две жилички прописаны. Ей-богу две. Кузикова Л.П., пенсионерка, там же прописана. Она пропала, наверное она. Ей-богу! Зачем молодой пропадать! (Снимает трубку). Сиди, я сейчас к ним позвоню. (Набирает номер). У них телефон не сняли – там хозяин врач-психиатр, такой ходовой человек. Кто со мной говорит? Какая Лилия Павловна? Ах, Кузикова? Пенсионерка? Из конторы домохозяйства спрашивают. Это надо же. А скажите, у вас Красовская там живет? Это надо же! (Вешает трубку). Она, мать... Действительно четвертый день не приходит домой дочка твоя.

Тяжелый удар. Значительно ближе.

Вот проклятые, за свое взялись, проклятые. И так каждый день, каждый день...

МАРФА. Адреса ее служебного нет в списке?

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Нету.

МАРФА. Конечно, нету. Номерной засекреченный завод...

Входит управхоз Иваненков. Он очень весел.

ИВАНЕНКОВ. Ну, мамаша, дождалась меня, мамаша? Что смотрите невесело? Надо бодро держаться!

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Дочка ее у нас проживала.

ИВАНЕНКОВ. Нет. Нет. Дарьи Васильевой у нас нет и не было.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Замуж она тут вышла. Красовская её фамилия. Теперь.

ИВАНЕНКОВ. Д.С.? Дарья Степанова? Что же ты мне сразу не сказала! Эх, мамаша, мамаша!

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Вот пропала она.

ИВАНЕНКОВ. Кто?

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Красовская.

ИВАНЕНКОВ. Почему же это она пропала?

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Четвертый день домой не возвращается.

ИВАНЕНКОВ. Так и должно быть. Я знал, что она пару дней домой не вернется.

МАРФА. Знал?

ИВАНЕНКОВ. Знал.

МАРФА. Откуда?

ИВАНЕНКОВ. Она сама меня информировала И оставила мне телефон заводской на тот случай, если спрашивать ее будут. Только не тебя она, мамаша, ждала, а мужа.

МАРФА. Колю?

ИВАНЕНКОВ. Сейчас посмотрю. (Достает записную книжку). Да, Красовский, Николай Семенович.

МАРФА. Красовский.

ИВАНЕНКОВ. Пусть будет Красовский.

МАРФА. Где он?

ИВАНЕНКОВ. На фронте, испытывает пулеметы, которые делают у них в цеху. А у дочки твоей срочное задание. Днем и ночью находиться она на заводе. Телефон их заводской засекречен. Однако мне, как начальнику объекта, она оставила номерок. Раз мать приехала, да еще через фронты, значит следует позвонить?

МАРФА. Позвоним.

ИВАНЕНКОВ. А ну, пропустите меня, Ольга Петровна. (Набирает номер). Сейчас мы её удивим. Дарью Степанову. Занято. Ну понятно! Такой завод. Повеселели, мамаша?

МАРФА. Да.

ИВАНЕНКОВ. Эх, мамаша. И я повеселел. Радость у меня.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Достали что-нибудь?

ИВАНЕНКОВ. Нет, тети мои дорогие. Ничего я не доставал. Нет мне времени по магазинам бегать. А сказали мне сегодня в райсовете, что будет о нашем доме завтра в газете подвал!

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Ой! Боже мой! Как так подвал?

ИВАНЕНКОВ. Самая нижняя на газетной странице статья. Называется подвал. Я сам было испугался: о вас, говорят, подвал будет. За что подвал? Чем мы хуже других? Ну тут посмеялись, объяснили мне. Хвалить нас будут!

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Смотрите пожалуйста!

ИВАНЕНКОВ (набирает номер). Опять занято! Говорит кто-то. Докладывает или запрашивает. Идут дела. Терпи, мамаша.

Глухой удар.

Людоеды стараются. А мы живем, живем. (Кричит). Захар! А Захар! Куда ты пропал, старый черт?

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. А за что нас хвалят, товарищ Иваненков?

ИВАНЕНКОВ. Сейчас. Надо Захара позвать. Надо позвать связистов, окаянного Шурика, с Нюсей и Олей. Надо командира санзвена и всех пожарных собрать, - обо всех о них говорить в статье. Также и о вас, Ольга Петровна.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Надо же! Обо мне!

ИВАНЕНКОВ. Мне показывали оттиск статьи. Нет ли, товарищ Иваненков в фамилиях ошибки? Нет. Все правильно!

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Это, наверное, хвалят нас за то, как мы зажигательные гасили.

ИВАНЕНКОВ. Ох. Умело написано! Неплохо написано, гладенько, аккуратненько! Как налетели стервятники... сейчас, сейчас вспомню. Как народ оцетинился... и так далее. Завтра прочтете. (Кричит). Захар!

Входит Лагутин.

ЛАГУТИН. Вот я, Паша. Зачем кричать?

ИВАНЕНКОВ. Где пропал, герой?

ЛАГУТИН. Во дворе стоял.

ИВАНЕНКОВ. Что делал?

ЛАГУТИН. В небо глядел.

ИВАНЕНКОВ. Чего искал?

ЛАГУТИН. Сегодня опять ужасная погода, Паша.

ИВАНЕНКОВ. Разве? Я спешил, бежал – не заметил.

ЛАГУТИН. Страшная погода, Паша! Ни облачка нету на небе. Стоит над городом полная луна и освещает нас без пощады...

ИВАНЕНКОВ. Ничего, ничего, ничего! Бодрей, бодрей надо; Захар!

ЛАГУТИН. Ладно.

ИВАНЕНКОВ. Вот, товарищ Васильева, рекомендую тебе – героический старик.

ЛАГУТИН. Отчего ты веселый такой?

ИВАНЕНКОВ. Сейчас узнаешь. Он, товарищ Васильева, Едва загудит сирена, сразу восходит на самый верх крыши и становится там на посту наблюдения, как богатырь. Вокруг осколки от зениток по железу стучат, очень слышно, как свистят окаянные фугаски, но монтер домохозяйства, Захар Иванович Лагутин, бородкой вперед дышит себе, рассуждает, только вот курить пробует на посту, хотя это строго запрещено.

ЛАГУТИН. Любишь ты, Паша, поговорить.

ИВАНЕНКОВ. А что, плохо разве? Мне Сукон, начальник жилуправления, заявил вчера: из тебя бы оратор хороший вышел, Иваненков, будь ты проклят. (Набирает номер). Ну, наконец соединили. Дочка нашлась у тети, Захар Иванович!

ЛАГУТИН. Ну! Вот спасибо! Хоть на чужую радость порадуюсь...

ИВАНЕНКОВ. И тебя могу порадовать: завтра о нашем доме в газете будет подвал. Хвалят.

ЛАГУТИН. За что?

ИВАНЕНКОВ. А двадцать семь зажигательных бомб кто погасит? Пушкин? Алло! Это от куда? А с вами говорит управхоз домохозяйства 263. Позовите чертежницу Дарью Степановну Красовскую. Скажите – важное дело. Что вы? А? Наш телефон – ве, шесть, ноль, девять, пятнадцать. Вот. Спасибо! (Вешает трубку). Мамаша, мамаша! Не надо бледнеть! Все в порядке.

МАРФА. Где она?

ИВАНЕНКОВ. Сейчас побежит за ней курьер, и минут через пять позвонит дочка к вас сама.

ЛАГУТИН. Это хорошо. Давно никакого праздничка не видел! У нас, товарищ Васильева, день ползет за днем, день за днем. Терпишь, терпишь и до того иной раз радости захочется...

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Я на каждый звонок бегу бегом двери открывать. Все мне кажется: вдруг войдет человек и скажет: «Ольга Петровна, вот вам мешок муки» (Смеется). Так и стоит передо мной этот мешок, как живой.

ИВАНЕНКОВ. Ничего, ничего. Бодрей, бодрей, бодрей!

ЛАГУТИН. В квартире двадцать восьмой домработница Зина живет. Её родственник в штабе работает. Он в курсе всех дел. Он говорит, дней пять осталось нам терпеть. А потом со всех концов нашего Союза хлынет к нам всё, чего только душа пожелает, и письма от близких людей, и сами близкие, и белая мука и счастье...

Телефонный звонок.

МАРФА. Она!

ИВАНЕНКОВ. Спокойно, мамаша! Дай сначала мне... Алло! Да, это я у телефона. Как вы говорите? Не понимаю вас! Утра? Тогда где же она? Ага. Ну, ладно. (Медленно вешает трубку).

МАРФА. Говори все!

ИВАНЕНКОВ. Да ничего особенного, мамаша, нет.

МАРФА. ГОВОРИ!

ИВАНЕНКОВ. Она еще утром с завода ушла. Взяла бюллетень. Нездоровилось ей... И вот не пришла.

МАРФА. Где мне искать её?

ЛАГУТИН. Нет нам праздника.

МАРФА. Опять ударило, где не ждешь. Куда мне теперь идти?

ИВАНЕНКОВ. Боюсь сказать.

МАРФА. Пойду по больницам.

ИВАНЕНКОВ. Сейчас не дадут они никаких справок.

МАРФА. Дадут.

ИВАНЕНКОВ. Нет, товарищ Васильева, когда я дворника нашего искал, то научился этим порядкам. Завтра утречком...

МАРФА. Нельзя мне ждать до утра.

Стук метронома замолкает внезапно.

Почему часы остановились?

Унылый механический вой.

ИВАНЕНКОВ. По местам, товарищи, по местам, по местам. Садитесь, товарищ Васильева, все равно сейчас вас по улицам не пропустят.

ГОЛОС ПО РАДИО. Прослушайте чрезвычайное сообщение Штаба. Противоздушной обороны города. Воздушная тревога! Воздушная тревога! Воздушная тревога!

Унылый механический вой.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Опять, проклятые, за свое, проклятые! И так каждый день, каждый день!

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ.

Контора домохозяйства № 263. Два часа ночи. Воздушная тревога продолжается. Метроном все стучит, но только вдвое быстрее, лихорадочно. У печки сидят НЮСЯ и ОЛЯ. Входит лениво, не спеша ШУРИК.

ШУРИК. Как может она стоят так неподвижно?

НЮСЯ. Кто?

ШУРИК. Васильева. Приезжая, которая ищет дочку.

ОЛЯ. А где она?

ШУРИК. На углу. То бродила, бродила, а теперь стоит на улице.

НЮСЯ. Сейчас ровно два. Это значит уже четыре с половиной часа тревоги.

ОЛЯ. Да. А она все на ногах.

НЮСЯ. Ждет свою дочку.

ШУРИК. Что бы придумать такое, а?

НЮСЯ. Например?

ШУРИК. Управхоз посты сейчас обходит. Проволоку бы найти. У меня есть от антенны провод. Протянуть бы, чтобы Иваненков шлепнулся.

ОЛЯ. Осел.

НЮСЯ. Я думала, он о тетке приезжей беспокоиться. Хочет придумать, как ее утешить, а у него только одно на уме.

ШУРИК. Очень скучно мне.

НЮСЯ. Иди домой, кто тебя держит?

ШУРИК. Дома мать будет ругаться.

ОЛЯ. Значит есть за что.

ШУРИК. Не в этом дело. Брат не пишет!

ОЛЯ. А ты заболей, тебя мать и пожалеет.

ШУРИК. Ты лучше сама, Олечка, заболей.

ОЛЯ. Я бы хотела.

НЮСЯ. Зачем?

ОЛЯ. Очень уж давно обо мне никто не заботился.

ШУРИК. Между прочим, я вчера читал у Дарвина...

НЮСЯ. Перестань фасонить, ненавижу!

ШУРИК. В чем же тут фасоны, не понимаю.

НЮСЯ. Читал, читал! Мы знаем, что ты много читаешь. А из меня ничего не выйдет.

ШУРИК. Почему это вдруг?

НЮСЯ. А что из меня может выйти? Все слоняюсь из угла в угол или бегаю по лестницам.

ОЛЯ. Мы сами не знали, как мы хорошо жили.

Звонит телефон.

НЮСЯ. Шурик подойди.

ШУРИК. Только что я согрелся.

НЮСЯ. Подойди, я боюсь.

ШУРИК. Чего?

НЮСЯ. А вдруг опять никто не ответит?

ШУРИК. Скажите, пожалуйста, какой ужас. (Подходит к телефону). Вас слушают. А? Громче?

НЮСЯ. Не отвечает?

ШУРИК. Алло! Алло!

ОЛЯ. Опять кто-то шепчет, или плачет?

ШУРИК. Ничего не могу понять.

ОЛЯ. Повесь скорее трубку.

Шурик вешает трубку.

НЮСЯ. Четвертый раз кто-то звонит и плачет тихонечко. Кто это?

ОЛЯ. Ночью что угодно полезет в голову.

ШУРИК. Покойнички звонят?

ОЛЯ. Замолчи!

НЮСЯ. Слушайте! А вдруг это кто-нибудь из нашего дома сошел с ума. Шепчет в трубки, шепчет, плачет, плачет, а потом приползет тихонько в контору.

ОЛЯ. Не надо, Нюся.

НЮСЯ. Приползет тихо-тихо, да как подымится вот там возле шкафа!

ОЛЯ. Не надо.

ШУРИК. Ах, страсти какие!

ОЛЯ. А ноги подобрал! Ну, Нюся? Что же замолчала? Нюся, говори. Я люблю, когда страшное рассказывают. Нюся!

НЮСЯ. Не хочу я больше рассказывать.

ОЛЯ. Почему? Жалко тебе, что ли?

НЮСЯ. Сама же ты говорила – не надо.

ОЛЯ. Это я просто так, от удовольствия. Рассказывай! Так приятно.

НЮСЯ. И без страшных рассказов страшно.

ОЛЯ. Не страшно, а тоскливо.

НЮСЯ. Все равно.

ШУРИК. Я видел во сне, что спускаюсь по лестнице. И пробежал я мимо выхода на улицу. Но остановиться не могу. А лестница не кончается, уходит все глубже и глубже под землю. Я бегу, дверей кругом никаких нет... (Лихо). Вот, думаю, чтобы ты издохла, окаянная лестница.

ОЛЯ. А потом что?

ШУРИК. Проснулся.

ОЛЯ. Плохой сон. Тебе грустно, Шурик.

ШУРИК. Не!

ОЛЯ. Шурик, ты все таки обалдуй, хоть и читал много.

ШУРИК. А почему ?

ОЛЯ. Ты как-то не все понимаешь.

ШУРИК. Например?

ОЛЯ. Не знаю. Вот сегодня на Съезжинской разбило дом.

ШУРИК. Ну и что?

ОЛЯ. Там сидели, может быть, так же возле печи ребята. А где они теперь?

ШУРИК. Брось!

ОЛЯ. Нет, ты не все понимаешь!

ШУРИК. Зачем ты хочешь, чтобы человек скулил? У мен я пострашнее были в жизни дела, дак я молчал.

ОЛЯ. Нет, ты не все понимаешь.

ШУРИК. Все понимать – это значит с ума сойти.

НЮСЯ. Ну, ладно. Надоели вы мне. Никто ничего не понимает, кроме меня. Оля, давай в мячик играть. (Достает из кармана шубы мячик).

ОЛЯ. Откуда он у тебя?

НЮСЯ. Искала сегодня в комодке чулки. Смотрю, лежит в папиросную бумагу завернутый, старый приятель. Я чуть не заплакала, так все припомнилось: школа, садик.

ОЛЯ. В садике зенитки стоят.

НЮСЯ. Мне бабушка подарила этот мячик, когда я во второй класс перешла. А потом сама его и припрятала. Она ужасно свои подарки любит. Сыграем в трешки?

ОЛЯ. Давай, все равно.

Весь дальнейший диалог идет на игре в мяч.

НЮСЯ (бросает мяч). Оля, тебе грустно?

ОЛЯ (отбивает мяч). Грустно.

НЮСЯ. Оля ты бедняжка?

ОЛЯ. Бедняжка.

НЮСЯ. А где Валя Карпова?

ОЛЯ. В Иркутске.

НЮСЯ. А где Мая Горленко?

ОЛЯ. В Ташкенте.

НЮСЯ. А где Вася Мельников?

ОЛЯ. Не пишет.

НЮСЯ. А где Маша Голдина?

ОЛЯ. Пропала.

НЮСЯ. А мы их увидим?

ОЛЯ. Не знаю.

НЮСЯ. Тебе умереть хочется?

ОЛЯ. Ни капельки.

НЮСЯ. А бомбы это знают?

ОЛЯ. Им все равно.

НЮСЯ. А чего тебе, Оля, хочется?

ОЛЯ. К маме на ручки. (Ревет, роняя мяч). Дура, чего ты меня расстраиваешь!

НЮСЯ. Ну, Оля, ну, Олечка, ну не надо. Ты сядь, сядь. Ну хочешь, я тебе что-нибудь страшное расскажу? А? Слушай. Слушаешь? Ну, вот и хорошо. Вот, значит, Олечка, сошел с ума один жилец из нашего дома. Ладно. Сошел он с ума и думает: дай-ка я всех в доме загублю, чтобы они меня боялись. Он не в квартире сошел с ума, а на службе. В учреждении. Ползет сумасшедший к дому, и такое у него, Олечка, нетерпение. Он даже воет. Пальцы ломает.

ОЛЯ. Ой, не надо.

НЮСЯ. Такое нетерпение! Сейчас я, думаю, со всеми вами расправлюсь! А они, ты знаешь, страшно сильные, сумасшедшие-то. И от нетерпения звонит он из всех телефонов по дороге. Звонит, а сказать ничего не может, только шепчет: береги-и-и-тесь, ваш ко-о-о-нец идее-ет!

ОЛЯ. Ой, не надо!

НЮСЯ. Береги-и-и-тесь, ваш ко-о-о-нец идее-ет! Хорошо! И вот дополз он до нашего дома. Так.

Дверь с грохотом распахивается, и кто-то закутанный пробует войти, но не может и тихо опускается на пол на пороге комнаты.

Девочки замерли в ужасе.

ШУРИК. Кто это? Вам кого нужно?

ОЛЯ. Нюся.

НЮСЯ. Это женщина.

Закутанная женщина поднимается медленно. Опускает платок. Молодое, очень бледное лицо. Глаза полужакрыты.

ЖЕНЩИНА. Ребята, помогите.

НЮСЯ. Что такое с вами?

ЖЕНЩИНА. Заболела. Помогите до квартиры дойти. (Опускается на стул).

ОЛЯ. А что такое с вами? Где вы живете?

ЖЕНЩИНА. Не могу вспомнить.

НЮСЯ. Вы из нашего дома?

ЖЕНЩИНА. Не знаю. Ой, как у меня сердце колотится. Слышите? Тук-тук! Тук-тук! Тук-тук!

ОЛЯ. Это радио стучит.

ЖЕНЩИНА. Нет, это от температуры.

НЮСЯ. Гражданка, гражданка. Она в обмороке... Держи её! Она упадет сейчас! Шурик! Беги найди управхоза и кого-нибудь из санзвена!

Шурик убегает.

Смотри, какая голова у нее горячая!

ОЛЯ. А пальцы – как лед.

НЮСЯ. Ты ее не знаешь?

ОЛЯ. Нет, по-моему, не знаю. А вдруг это она, которую ждет мать.

НЮСЯ. А вдруг она умирает?

ОЛЯ. Гражданка! Гражданка!

НЮСЯ. Держи крепко. Бежит кто-то!

Шурик вбегает.

ШУРИК. Не хотят верить мне. Идите вы.

ОЛЯ. Кто не хочет верить?

ШУРИК. Никто. Думают, я разыгрываю.

ОЛЯ. Допрыгался! Тут женщина умирает, а он не может объяснить.

ШУРИК. Я объяснял!

ОЛЯ. Смотри, я пульс не могу найти! Честное слово, не мгу найти... Нет, вот он. Но все равно ей очень плохо, дурак ты...

ШУРИК. А я-то в чем виноват?

Распахивается дверь. Входит начальница санзвена ЕЛЕНА ОСИПОВНА АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Через плечо санитарная сумка.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Ну? Где она? Ах, так Соколов не соврал!

ШУРИК. Буду я врать...

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Тише! Без грубостей. Помогите мне, Антипова и Лаврова. Так. Платок снимите. Соколов! Возле стенки складная койка. Быстро, без глупостей, возьми ее. Живо, поставь там на право. Здесь теплее, чем в санпункте. Мы уложим ее здесь. Антипова! Возьми в сумочке нашатырный спирт. Не то! Ты суешь мне нашатырно-анисовые, корова. Тихо! Без грубостей! Гражданка! Гражданка.

ЖЕНЩИНА (медленно поднимая голову). Который час?

ОЛЯ. Половина третьего.

ЖЕНЩИНА. Мне три часа до смены.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Встаньте, милая. Встаньте, голубушка. Идите. Вот так. Антипова, Лаврова, берите ее под руки. Так. Вот сюда. Соколов, дай платок её. Сверни. Аккуратно сверни. Положи ей под голову вместо подушки. Как ты кладешь косолапый! Ноги ей уложите! Вы! Ладно. Ну что, ну что, милая?

ЖЕНЩИНА. Который час?

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Рано, рано еще! Лежите! Соколов. Вот тебе ключ. Беги ко мне в квартиру. Открой. В передней стоят ширмы. Понял?

ШУРИК. Конечно.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Без дерзостей. Возьми и принеси сюда. Только скорей!

ШУРИК. Одна нога здесь, другая там.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Это не острога, а ослота. Ты не остришь, а ослишь.

Шурик убегает.

Антипова! Возьми тот столик. Осторожно, аккуратно.

ОЛЯ. Я осторожно.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. По лестнице они летают как птички, а тут – как медведи.

ОЛЯ. Мы стараемся, Елена Осиповна.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Не ори! Давай сюда... Так. Графин с письменного стола, Лаврова. Ставь на столик. Не греми. Хорошо!

Входит ОЛЬГА ПЕТРОВНА.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Ну вот, я все посты обошла с Иваненковым...

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Тссс!

ОЛЬГА ПЕТРОВНА (понижив голос). Теперь отдохнуть сяду. Вот села. А почему надо тише, Елена Осиповна?

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Здесь больная.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Кто заболел?

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Сначала надо привести человека в чувство. Ольга Петровна, а потом анкеты заполнять.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА (тихо). Я думала, это кто-нибудь из знакомых.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Нет.

Вбегает Шурик с ширмой.

Почему так долго, Соколов?

ШУРИК. Домработница ваша не давала ширму. Говорит: этак она все перетащит в санзвено.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Ставь сюда ширму. Вот. Готово.

ШУРИК. Как вы наладили все скоро! Прямо как госпиталь.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Без подхалимства, пожалуйста. Такой мальчик - и уже подхалим.

ШУРИК. А зачем мне перед вами подхалимствовать?

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Без хамства, пожалуйста! Тихо! Не беспокойте больную. Выпейте, милая, это.

ЖЕНЩИНА. Который час?

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Выпейте, выпейте и лежите себе... (Выходит из-за ширмы). Над чем вы смеетесь, Ольга Петровна?

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Я не смеюсь, Елена Осиповна! Я улыбаюсь.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Не ощущаю разницы.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. А это время для меня самое лучшее, Елена Осиповна! За день набегаешься, страдаешься, надружишься, растревожишься, и вот ночью, слава богу, на голову находит туман.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Какой туман?

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Сон. Все мне чудится, чудится...

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Галлюцинация?

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Нет, зачем. Просто сое. Вот, например, чудится мне, будто там за дверью ждет сестренка меня. Маша. Молоденькая, как прежде. И пойдем мы с нею сейчас на речку, в купальню.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. На речке сейчас лед, лед, Ольга Петровна. Учтите – лед!

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. А мне чудится мирное время, лето, дорожка через рошу, пирожки...

Быстро входит Иваненков.

ИВАНЕНКОВ. Опять где-то кружит, подлец. Кружит над городом.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Будьте любезны не шуметь.

ИВАНЕНКОВ. А что такое?

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Здесь больная.

ИВАНЕНКОВ. Знаете, кого стукнуло в начале тревоги, когда наш дом качало? Алексей Алексеевич!

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Кто это?

ИВАНЕНКОВ. Управхоз домохозяйства двести шестьдесят. Вы его помните, он прибежал у меня керосин занимать для летучих мышей. Такой оратор, такой активист был, бедняга. По квартплате на первом месте был он.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. И вот убило его?

ИВАНЕНКОВ. Нет, жив. А от дома одни кирпичи остались... Только прошлым летом провел Алексей образцовый капитальный ремонт. Сколько сил, сколько риску, сколько догадки, сколько души положил. Его даже премировать думали. А теперь лежит весь дом грудой. А управхоз возле стоит, за голову держится. А я ему говорю: бодрей, бодрей, Алеша, а он ни слова.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Вы подумайте!

ИВАНЕНКОВ. Жалько дом!

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Людей жалко!

ИВАНЕНКОВ. Жертв много.

НЮСЯ. Товарищ Иваненков!

ИВАНЕНКОВ. В чем дело?

ОЛЯ. Мы хотели вас спросить.

ИВАНЕНКОВ. Ну?

ОЛЯ (указывая на ширму). Там не дочка её?

ИВАНЕНКОВ. Чья? Ах, этой, Марфы Васильевой. (Заглядывает). Не пойму, темно. Это вы? Дарья Степановна?

ШУРИК. Она, по-моему, не дышит.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Соколов, пошел вон отсюда. Ольга Петровна, позвоните в неотложную помощь!

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Елена Осиповна, извиняюсь, тревога? Не ответят.

ИВАНЕНКОВ. А черт тебя побери совсем! Она это, Дарья Степановна! Молчит... Шурик, беги за Марфой. Только осторожней, мягко ей скажи, дьявол!

ШУРИК. Я боюсь.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Соколов!

Шурик убегает.

ИВАНЕНКОВ. Начальник санзвена! Что у вас за лицо! Докладывайте прямо, умирает она, или как это понимать?

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Прочь! Все прочь из-за ширмы! Что я, терапевт? Почему именно я должна за все отвечать? Бутылки собирать – санзвено! Беседы проводить – санзвено! Акт составлять – санзвено! У больной пульс, как ниточка!

Шурик вбегает.

ШУРИК. Она идет сюда.

ИВАНЕНКОВ. Сказал ей?

ШУРИК. Нет.

ИВАНЕНКОВ. Как нет?

ШУРИК. Её Лагутин уговорил отдохнуть. Ведет в контору. Раз она все равно идет сюда, вы ей сами и скажите.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Балда.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Тише, тише, вот она.

Входят ЛАГУТИН и МАРФА.

ЛАГУТИН. Здесь, Васильева, вам будет спокойно, уютно. Видите, печка горит, люди собрались, сочувствующие вам. А на улице жутко, одиноко. Садитесь.

МАРФА. Да, я сяду. Ну, Ольга Петровна, не дождалась я дочки. Все глаза проглядела, сколько раз ошибалась. Вот вижу- она, она! Её походка, её платочек. Брошусь на встречу, а мне пропуск протягивают, думают – я дежурная. Проверяю. Что это вы на меня глядите так? Может, я щеки отморозила?

ОЛЯ. Нет! Нет!

МАРФА. Ширмы! Зачем тут поставили ширмы? Что вы там прячете?

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Будьте любезны, успокойтесь, и я вам моментально все объясню. Ничего нет особенного, только будьте спокойны. Я сама так измучена, что не могу брать на себя лишнюю нагрузку.

Больная внезапно садится на койке.

НЮСЯ. Ой! Ой! Она встает, встает! Гражданка, ваша мама здесь.

МАРФА. Даша! (Бежит за ширмы, обнимает дочь).

ДАША. Кто это? Кто вы?

МАРФА. Это я, Дашенька.

ДАША. Кто?

МАРФА. Это я! Мама!

ДАША. Мне холодно, мама!

МАРФА. Сейчас, сейчас укурую, родная. (Снимает шубу, укрывает дочь).

ДАША. Спасибо. Мама, у меня дела плохи. Так лихорадит, так лихорадит, сердце стучит, стучит на весь город – слышишь? Или это весь город так лихорадит? У города так сердце стучит?

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Не разговаривайте. Лежите спокойно. Лаврова, дай стул. Не реви, коровица. Стул сюда! Садитесь, товарищ Васильева. У девочки вашей был обморок, глубокий, пульс почти не прощупывался, руки ледяные, и я не терапевт в конце концов, черт меня побери! Не толпитесь! Товарищ Иваненков! Лагутин! Выйдите вон. Сядьте там за столом! Соколов!

ШУРИК. Вот Соколов.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Не осли! Беги ко мне домой, возьми резиновый мешок для льда, набей снегом и назад. Живо!

ШУРИК. Есть живо!

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Не хаами.

Шурик убегает.

У нее температура, вероятно, больше сорока, я положу ей лед на голову.

МАРФА. Лежи, Дашенька, лежи тихо.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Я буду тут же. Если что, позовите меня. (выходит из-за ширмы, идет к столу).

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Лучше ей?

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Тише!

ОЛЬГА ПЕТРОВНА (шепотом). Извиняюсь, Елена Осиповна. Ей получше?

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Я почему я знаю?

ИВАНЕНКОВ. Может быть, в квартиру ее отнести?

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Не проявляйте инициативу там, где вас не спрашивают!

ИВАНЕНКОВ. Да ведь я...

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Тише!

ИВАНЕНКОВ. Ну и характер!

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Тише!

Тихо разговаривают за столом.

ДАША. Я дома?

МАРФА. Дома, милая.

ДАША. А ты?

МАРФА. А я с тобой.

ДАША. А Коля?

МАРФА. А он придет сейчас.

ДАША. А Сережа?

МАРФА. А за Сережей я пришла. Ты, милая, успокойся, отдышись. А потом скажи, где он, Сережа наш?

ДАША. Он уехал.

МАРФА. Уехал?

ДАША. Давно.

МАРФА. Как давно? Ведь у них выпуск сегодня.

ДАША. Да. Днем. В три часа. Три часа – это, мамочка, очень давно было. Я с тех пор столько пережила! Я домой ползла.

МАРФА. Как ползла?

ДАША. Мамочка, я так себя жалела, так жалела! Утром чувствую – голова болит. Начальник приказал идти мне в медпункт. А там сказали, что у меня тридцать девять и пять... Идите, говорит, домой. А я к Сереже, через весь город пешком. Выбежал Сережа ко мне...

МАРФА. Какой он? А? Даша?

ДАША. Веселый. А потом увидел меня, испугался и говорит: давай сейчас попросаемся. Иди домой ложись. У нас выпуск в три, а вечером нас отправляют. Или завтра утром? А? Он сказал завтра утром.

МАРФА. Я побегу в школу.

ДАША. Мамочка, не уходи. Я умру без тебя. Вышла я – и вот целый день иду... Заблудилась. Не помню ничего. А потом стало мне себя жалко, так далеко, так далеко! Как увижу автомат, так и звоню сюда, в контору, чтобы Коля вышел мне навстречу, помог. А сказать ничего не могу. Плачу у трубки. Ты не уйдешь?

МАРФА. Лежи, лежи спокойно.

ДАША. Дай мне руку. Мамочка! Как же ты попала сюда: Мама!

МАРФА. Тише, тише, дочка.

ДАША. Мама, откуда ты? Или мне это снится?

МАРФА. Нет, моя родная, не снится.

ДАША, ТЫ на самолете?

МАРФА. Нет, нет родная. Я потом тебе все расскажу. Тихо, тихо.

Влетает Шурик с пузырем для льда.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Почему так долго?

ШУРИК. Ваша домработница совершенно ненормальная старуха.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Выбирай выражения. Обалдуй.

ШУРИК. Она мне чуть рукав не оторвала.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Не ври.

ШУРИК. Такой подняла крик! «Не отдам пузырь! Она скоро рояль в своё санзвено отнесет!» Хорошо, что я увидел пузырь на полке в ванной и схватил... Ваша ненормальная вцепилась в меня, но я вырвался.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Нахал! (уЗлыбаясь). Что значит мальчишка! Довел до конца, молодец!

ШУРИК. Раз это нужно, я...

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Без хватоства! Не зазнавайся! Антипова, Лаврова, Соколов! Отправляйтесь отсюда. Сядьте там за дверью и никого не пускайте в контору. Скажите – здесь тяжело больная.

ИВАНЕНКОВ. Шурик, пойдн в квартиру 40 и 12. Скажн, чтобы отправлялись, кто у ннх там в резерве, на чердак. Наших пожарных надо сменить!

ШУРИК. Пожарные не сменяются.

ИВАНЕНКОВ. То есть, как это не сменяются?

ШУРИК. Не уйдут. У ннх там весело. Домработница Лянгертов танцевала так, что снизу пришли просить ее отдохнуть, а то штукатурка валится. А теперь все пожарники и Тамара Петровна сидят и поют.

ИВАНЕНКОВ. Ладно. Делай, что сказано. Иди, иди!

Нюся, Оля, Шурик уходят. Архангельская кладет мешок со снегом на лоб больной.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Вот так, милая. Так будет вам легче. Так, так.

ДАША. Спасибо.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Она ровнее стала дышать. Ничего. Ничего. Все обойдется.

МАРФА. Доченька, лучше тебе?

ДАША. Гораздо лучше. Совсем хорошо.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Ну вот и ладно. (Подходит на цыпочках к столу). Тише!

МАРФА. Дашенька, а где помещается Сережина школа?

В режиссерском варианте пьесы отсутствуют две следующие страницы – они вырваны.

ИВАНЕНКОВ. Ого! Над нашим домом разворачивается. Как бы не сбросил. А ну потише!

Жужжание самолета слышится явственнее.

ДАША. Mamочка, ты знаешь, что я замуж вышла?

МАРФА. Знаю.

ДАША (смеется). Ох, Mamочка, как я ему долго крутила голову. Ждал, ждал, терпел, терпел, а добился все-таки своего. А я рада.

МАРФА. Тише, девочка, тише. Отдохни, а потом мне с тобой поговорить надо.

ДАША. Я отдыха. Дело так было, мамочка. Мы пошли с ним в кино. И возле самой ужу кассы я говорю ему: «До свидания, Коля!» «Что? Почему?» - «Не хочется мне в кино с вами, - отвечаю – Скучно» А он мне: «Я всю неделю этого вечера ждал, Даша». А я отвечаю: «А у меня другие планы на сегодняшний вечер». И ушла. И так мне тоскливо стало. И вышла я из дому через час. Иду мимо его квартиры. Он ведь в самом первом этаже жил, мамочка. И заглянула к нему в окно. Сидит он такой бледный, лицо не веселое, задумчивое... И все пошло на лад с этого вечера (смеется). Mamочка, ты даже представить себе не можешь, какой это особенный человек. Его все любят. И уважают его на работе

как! Позвонишь на завод. Там спросят сначала не приветливо: «Вам кого?» А когда узнают, что Колю, сразу ласково отвечают: «Пожалуйста, пожалуйста».

МАРФА. В чем же я виновата, в чем я виновата, не могу понять! Нет, я чего-то не сделала, я куда-то опоздала!

ДАША. Ты о чем, мамочка?

МАРФА. О том, что если дело плохо, это значит я в чем-то виновата.

ДАША. Не надо, мамочка, так говорить. От таких слов у меня опять в голове все мешается.

МАРФА. Дашенька моя дорогая, прости, что я тебя мучаю. Скажи мне только два слова. Улицу да номер дома. Адрес мне дай Сережиной школы. Слышишь? Даша! Дашенька! Ты спишь? Или тебе худо опять?

Очень явственный вой мотора.

ИВАНЕНКОВ (встает). Ох, паразит чертов.

Вбегает ШУРИК.

ШУРИК. Дядя Паша! Через канал напротив целую кассету зажигательных бросил!

ЛАГУТИН. Надо мне опять на крышу идти.

ШУРИК. Так все и осветилось! Как днем.

ИВАНЕНКОВ. Резерв на чердаки отправился?

ШУРИК. Сейчас все выползли.

ИВАНЕНКОВ. Идем!

Шурик, Лагутин и Иваненков уходят.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Ну и домик у нас! С одной стороны музей, с другой – два госпиталя! Все время над нами кружат. (Надевает через плечо санитарную сумку, идет за ширму). Ну, как больная?

МАРФА. Не могу понять.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Мне надо на пост к воротам. Я вернусь при первой возможности. (Уходит).

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Уснула дочка? Вы усните тоже.

МАРФА. Как я могу уснуть? Что ты говоришь, опомнись!

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Я вот что скажу вам, товарищ Васильева, вашей дочке я утром гомеопата приведу. Побегу за ним еще до света, и он придет. Он такой отзывчивый, прямо святой, если его только не разбомбило. Даст он две-три крупиночки – и готово дело. Он одной девушке, совсем она убогая была, так помог, что мать ему руки целовала. Ты успокойся, товарищ Васильева! Гомеопатия – это расчудесное дело. До свидания, голубка. (Уходит).

МАРФА. Дашенька! Даша, дочка! Дочь!

ДАША. Что, мамочка?

МАРФА. Заговорила, слава богу, господи!

ДАША. Я, мамочка, умираю.

МАРФА. Даша! Доченька!

ДАША. Умираю. Некогда мне. У нас такое срочное задание на заводе, а ничего все-таки не поделаешь. Придется мне умереть, не уходи!

МАРФА. Я за докторшей.

ДАША. Ничему она теперь не может помочь. Не уходи.

МАРФА. Доктора надо найти.

ДАША. Я хорошо себя буду вести, только не оставляй меня одну. Сядь здесь, как сидела.

МАРФА. Но ведь надо же, милая, сделать что-нибудь, помочь тебе.

ДАША. Мне уж нельзя помочь. Нет, нет, не хмурься. Слушай, что я тебе скажу. Сядь, вот так. Доктора тебе не найти. А начальница санзвена... Взгляни: нет её?

МАРФА. Нет, дочка, никого. Мы одни с тобой.

ДАША (понижив голос). А начальница санзвена мало что понимает. Она ведь только курсы ГСО прошла. Она, мамочка, музыкантша. Слышишь?

МАРФА. Да.

ДАША. Пианистка. От этого у нее характер сердитый такой.

МАРФА, Ты молчи, тебе трудно говорить.

ДАША. Что ты, мамочка, наоборот, очень легко. Слова сами так и прыгают... О чем я? Ах, да... Она пианистка, а играть ей совсем некогда теперь. Она, мамочка, вся ушла в работу по санзвену, по дому. Когда фугаска тут рядом разорвалась, она знаешь что схватила и вынесла из квартиры?

МАРФА. Не знаю, милая.

ДАША. Домработница её рассказывала. Ну, угадай, что она спасла?

МАРФА. Не берусь.

ДАША. Список дежурств по ПВО. (Смеется). Она эти списки сама всегда составляет. Она очень горячая в работе, только такой деспот! Её все боятся. Но разве она меня спасет!

МАРФА. Тихо, тихо, милая.

ДАША. Но болеть все-таки приятно. Знаешь, почему? Есть совсем не хочется.

МАРФА. Я, голубка, тебе и Сереже сало несла и сухарей.

ДАША. Спасибо, мамочка.

МАРФА. Но только я их отдала.

ДАША. Расскажи, кому?

МАРФА. Партизану. Фининспектор Дзержинского района он был, а теперь сражается...

ДАША. Ну, мамочка, говори, пожалуйста, говори.

МАРФА. Ну что же говорить-то. Встретились мы с ним в лесу. Шел, он милая, после глубокой разведки, идти ему еще долго... А он ослабел. Не могла я на это смотреть. Накормила его.

ДАША. Он обрадовался?

МАРФА. Да.

ДАША. Ну, а как все-таки? Что он говорил?

МАРФА. Стоим мы в чаще. Кругом так тихо, так тихо, как в мирное время. А он все объясняет, все объясняет, какая я, мол, сознательная женщина. Я хотела сначала только половину ему отдать. А потом подумала: Сережа в школе, Дашенька на военном заводе... Их там кормят... Я, девочка, уставшая была, заплакала, и все ему в сумку положила, все запасы. Когда он еще к своим-то доберется?

ДАША. Ты у нас добрая. Как хорошо, что ты пришла! Ну, говори. Говори еще.

МАРФА. А потом пошла дальше. Иду, о вас думаю. Всю дорогу я о вас думала: что вы мне скажите, что я вам скажу. И, как всегда, вышло не так, как ждешь.

ДАША. Ну. Говори, говори!

МАРФА. Что же говорить-то мне, дочка?

ДАША. Что-нибудь интересное. Отвлекай меня, отвлекай. Я-то опять вспомню. У меня, мамочка, в Лавровом переулке все вещи погибли. Я на прошлой неделе блузку сама себе сшила; шила – устала. И теперь у меня все перемешивается блузка на кнопках и...

МАРФА. Молчи, молчи, родная.

ДАША. Тогда ты говори, скорей, скорей отвлекай меня! Я знаю, у тебя нас четверо детей, но ты сегодня одной мной займись, мной. Говори! Скорей!

МАРФА. Шла я шла, шла я, шла, орудия гудят, спи, моя хорошая, пулеметы стучат, раненых везут, а я все шагаю. Встретимся патруль, сведет меня в штаб, я все там толковенько объясню, кто я, куда и зачем – и шагаю дальше. Спи, моя родная, мама с тобою. Нельзя так говорить: четверо детей. Надо так говорить: три единственных сына, одна единственная дочка. Спи, моя единственная, спи. Иду я через озеро, а сама думаю: далеко-далеко, за лесами, за горами мои детки живут, они маму не ждут, а она к нам

бежит. Даша, моя родня, дыши поглубже. Иду я через озеро, сумерки все темней, я на компас смотрю, как меня капитан научил, а компас светится. Далеко-далеко, по компасу на юго-востоке, пожар горит, ракета взлетит и растает, взлетит и растает, а я все иду, иду. Спи, моя хорошая. Дашенька! Спишь? Лед кругом, лед, а я шагаю, ко всему готовая. Все беды – сестры, все унылые, все тоскливые, а мы их прогоним, крошечка, прогоним. И немец сбежит, и голод забудется, и дома встанут, и поля оживут, и дети народятся – все будет славно, только ты дыши, дыши, маленькая. Зачем так неслышно лежать, маму пугать? Даша? Даша?

Вбегает ОЛЬГА ПЕТРОВНА.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Вот я и прибежала. Он там, негодяй, зачем-то осветительные ракеты сбросил. Сейчас, наверное, бомбить начнет. Светло как днем! А я встану сейчас у печенки. Вот и стала. Погреюсь – на пост. А то он, подлец, до утра не отпустит. Ведь неудобно будет уйти, когда он, подлец, уже начнет бомбить. А у меня так пальцы зашлись, в особенности мезинчики... Товарищ Васильева? Вы что там, уснули?

МАРФА. Она не дышит.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Кто не дышит, почему не дышит? Разве это можно не дышать?

МАРФА. Не дышит она. Дочка моя.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА (мечется). Как же так? Это я не знаю, как назвать! (Кричит) Шурик! Шурик!

Входит Шурик.

ШУРИК. Вот он, Шурик.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Беги бегом за Еленой Осиповной. Больной плохо!

Шурик исчезает.

Товарищ Васильева! Это у нее, наверное, опять глубокий обморок. Я бы сама посмотрела, да не смею. Ты держись. Ты крепче держись. И вот что скажу тебе в утешение: всем очень туго приходится! В какую квартиру не зайди – везде проклятый фашист дел наделал. Моя дочка где? Отрезана. А внучка пяти лет осталась у меня. Она спрашивает: бабушка, это правда, или это мне приснилось, что вы когда-то меня уговаривали кушать? Тает моя внучка. Это красиво? У меня от этого весь день мысли так и прыгают. Так и прыгают. А я держусь. Вот на пост пойду сейчас. Ты держись! Держись, как все.

Быстро входят АРХАНГЕЛЬСКАЯ и ЛАГУТИН.

Пробуют войти Оля, Шурик и Нюся.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Соколов, назад! НЕ входить! Никого не пускать! Закрывать двери!

Ребята исчезают.

Что случилось?

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Извиняюсь, товарищ Архангельская, больной очень худо.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Без паники! Больная! Больная, вы меня слышите? А? Уйдите все! И вы, мать, уйдите. Дайте мне спокойно рассмотреть в чем дело. Прочь, прочь. Пошевеливайтесь!

Все, кроме Архангельской, выходят из-за ширмы.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Идем, голубка, идем. Ничего! Она быстрая. Она разом все там уладит. Уладит. Слышишь? Товарищ Васильева!

МАРФА. Да.

ЛАГУТИН. Марфа, Марфа! Ты верь! Еще денек, другой подождем и разлетится кольцо, и хлынут к нам лучшие люди всей страны, станут нас хвалить, восхищаться. Подойдут к управхозу Иваненкову. Это ничего, скажут они, Паша, что ты крикун, грубиян. Ты без отдыха работал, смерти не боялся. И к товарищу Архангельской подойдут: это ничего, что вы все расстраивались да людей одергивали. Вы сил не жалели, смерти не боялись. И вы, дети, не горюйте. Сейчас мы вами займемся. Вы весело

держались, не верили, что умрете. Все вы, товарищи, такие будни перенесли, без всякого праздника, что мы вас... мы вам...

Архангельская выходит из-за ширмы.

МАРФА. Можно к ней?

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Не знаю.

Марфа бежит за ширму. Опускается на колени возле койки.

Ну что? Чего вы, Ольга Петровна, глядите на меня? У бедняги пульс не прощупывается.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Ну, это уж я не знаю, как назвать.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Дыхания я не могу уловить.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Это надо же!

АРХАНЕЛЬСКАЯ. Что я могу сделать? Чем я могу помочь? Я не бог!

МАРФА. Не сдавайся, дорогая, очнись, дорогая, я с тобой! Во мне силы много! Пусть наша жизнь на куски разорвалась – я все соберу, сошью. Я не отдам тебя, я тебя не отдам! Очнись, доченька, не сдавайся, доченька! Я тут! Я тут!

Очень явственный вой самолета.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Опять летаешь? Летай, летай! За все ответишь, за все ответишь, за все ответишь, дьявол!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ.

Контора домохозяйства № 263. Около восьми часов утра. Воздушная тревога продолжается. ДАША неподвижно лежит на койке за ширмами. МАРФА сидит возле согнувшись. Но вот она вздрагивает. Встает. Выходит из-за ширмы. Идет покачиваясь, глаза закрыты.

МАРФА. Сейчас затоплю, сейчас затоплю, милые. Миша! Ваня! Сережа! Вставайте, пора. Дашенька, опоздаешь в техникум, голубка. (Натыкается на стол. Широко открывает глаза). Что же это такое? Я в пути, что ли? (Оглядывается). Ни Миши, ни Вани, ни Сережи, ни Даши! Старик! А Старик! Я одна? Степан! (Закрывает лицо руками). погоди, погоди, не палай. Марфа! А Марфа! Стой, не качайся. Ровненько стой. У тебя дела много. Кто его за тебя переделает? Всю жизнь ты шла. И опять шагай... (Делает несколько шагов вперед). Ой, вот я где. А мне шоссе чудилось, кусты... (Взглядывает на часы). Девятого пять минут. Что вы говорите? (трет руками лицо). Да проснись же ты, безумная!

Вбегает ШУРИК.

ШУРИК. Здравствуйте, товарищ Васильева.

МАРФА. Отбой был?

ШУРИК. Два раза был отбой, но минут через 15 опять началась тревога.

МАРФА. Уже утро?

ШУРИК. Да. Только на дворе темно еще совсем. Звезды видно.

МАРФА. Небо чисто?

ШУРИК. Чисто. Опять, значит, ночь мы спать не будем.

МАРФА. А подруги твои где?

ШУРИК. Боятся войти. Меня послали.

МАРФА. погоди минуточку. Постой. Я вчера пришла. Так. Потом. Даша заболела. Так. А что с ней? погоди. Мне надо проснуться, да страшно.

ШУРИК. А вы подождите немного, Елена Осиповна придет. Она за бабами погналась сейчас освободится.

МАРФА. Что ты говоришь? Погналась? Зачем?

ШУРИК. Тут рядом набережную ремонтировали. Бревна лежат. Их Елена Осиповна отбивает у треста для нашего бомбоубежища. Крепление поставить. И вдруг мы видим, пришли какие-то тетki и начинают эти бревна пилить на дрова. Бумажку

показывают, что их трест послал. Мы к Елене Осиповне. А Елена Осиповна этих теток так погнала, что она побежала со своими бумажками. А она за ними. Потеха!

МАРФА. Так... Значит, уже утро. Хорошо...

Вбегают Ольга Петровна. В руках тарелка, чистая салфетка, ложка.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Проснулась, милая? На вот... я тебе принесла.

МАРФА. Что это?

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Я, милая, на еду теперь очень строгая. Ужасно, прямо тиран. Не для себя, для внучки берегу, с ума схожу над каждым куском. Но ты, родная, бери.

МАРФА. Не нужно.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Садись. Это студень. Скушай, сделай мне одолжение. (накрывает на стол). Я, товарищ Васильева, очень добрая была, гостей любила, разговоры. Кино прямо обожала, если в хорошей компании. Там на экране стреляют, геройствуют, а мы сидим, театральную карамель кушаем и любимемся... Восьмой ряд мой любимый был. Или первый ряд балкона. Вот видишь, я тебе салфеточку постелила чистенькую. Вот это ложечка. А в тарелочке студень. В начале тревоги сбегала, а к концу тревоги он, голубчик, застыл. Кушай.

МАРФА. Не могу.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Не стесняйся, родная. Я и горчицу захватила и перец. Перец, родная, 2 рубля пакетик. А вот и уксус в скляночке. Порадуй меня. Из ножек студень. Я пробовала, его есть можно. Никому бы не дала, а ты, товарищ Васильева, теперь мне как старая знакомая. Впрочем, что я говорю. Старые знакомые иногда такие стервы бывают. Ты мне ближе. Ты как сестра. За одну ночь я к тебе привязалась. Марфа. Ты не обижайся, что я такое говорю. Это потому, что я спросить тебя не смею. Как дочка?

МАРФА. Что... Дочка!!! (Кричит). Даша! Даша!

ДАША. Что, мамочка?

Марфа бежит к дочери. Обнимает её.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА (Шурику). Вот видишь, хулиган. Жива она!

ШУРИК. Чего вы ругаетесь?

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. То-то! Знал бы, сколько взрослым людям приходится терпеть, так ты бы с нами... Уходи, чего ты тут вертишься!

ШУРИК. А ну вас!

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Уходи, уходи!

ДАША. Мамочка, помоги мне, голубчик встать... (Садится). Ой, какая ты, мамочка, черная!

МАРФА. Обветрило лицо.

ДАША. Я совсем здорова, только слабость сильная.

МАРФА. Я думала, ты умираешь...

ДАША. Прости, голубчик, я тебя измучила. Будь я одна – лежала бы тихонечко, а раз мама здесь – и начала жаловаться, что бы ты меня жалела. (встает).

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Лежите, лежите!

ДАША. Нет ничего.

Выходит из-за ширмы. Марфа ведет дочь.

Опять ты меня, мамочка, ходить учишь.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Присаживайтесь, присаживайтесь, вот тут, вот тут! И кушайте, пожалуйста, кушайте.

ДАША. Нет, спасибо.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Покорнейше прошу, кушайте, пока тревога. Ведь едва отбой зазвучит. Мне надо посуду помыть, и скорей, скорей в магазин, очередь занять. И ты, Марфа, кушай. (Достает из кармана шубы ложку, завернутую в белоснежную салфетку). Я, признаться, две ложки захватила, да одну не посмела достать сразу. Не знала, как вы, Дашенька... Живы ли... Мы выйдем. А вы поговорите, покушайте. Идем,

хулиган, идем миленький, не надо людям мешать, они стесняются. Ну вот, все слава богу, все и славненько...

Быстро уходит, уводит Шурика.

МАРФА. Дашенька, я побегу сейчас в Серезину школу. Дай мне, солнышко, адрес его.

ДАША. Ты, мамочка, не убивайся только... поздно уже.

МАРФА. Уехали?

ДАША. Вчера в десять... мамочка, знаешь что? Ты покушай... Нельзя иначе...

МАРФА. Я целый день не ела вчера.

ДАША. Я тоже.

Едят.

МАРФА. Пойду на фронт. Ты наверное знаешь, что он вчера уехал? Ты говорила – может быть, утром уезжают они.

ДАША. Нет, мамочка, я наверное знаю. Комиссар скал... Это я в бреду путала. Я сейчас помню.

МАРФА. Значит, он сражается уже, наверно, дурачок.

ДАША. Наверное, мамочка.

МАРФА. А мы сидим да едим.

ДАША. Теперь, мамочка, еда очень серьезное дело.

МАРФА. Такой нескладный, такой странный мальчик.

ДАША. Нет.

МАРФА. Как нет... Без присмотра пропадает. Обидчивый мальчик. Мучить его будут.

ДАША. В школе его очень уважали.

МАРФА. Пойду следом, ты знаешь, что он по чужим документам убежал?

ДАША. Да.

МАРФА. Нет, не могу. У меня это дело со всех сторон обдумано. Я от войны не прячусь. И все, что могла, отдала. Сама умереть согласна – пусть только укажут мне место, где я могу с пользой умереть. Но он, не обижайся, Дашенька, любимчик мой был. Младший ведь. Уснет он, а я гляжу, да плачу. Жалко мне, что он такой большой вырос, такой непонятный. Чего он все помалкивает? О чем с товарищами говорит в полголоса? Почему озабоченный бродит? Отчего мне не скажет, разве я не посочувствовала бы? Я без него не могу, как хочешь. Пойду.

ДАША. Я знаю, мамочка, ты найдешь его... но только...

МАРФА. Не заступайся! Не надо, милая, отговаривать меня.

Звучит фанфара.

ДАША. Отбой.

МАРФА. Пусть свободен, значит, для меня...

ГОЛОС ПО РАДИО. Отбой воздушной тревоги! Отбой воздушной тревоги! Отбой воздушной тревоги!

ФАНФАРЫ.

ДАША. Ты бы хоть отдохнула денек, мамочка!

МАРФА. Прости, не могу. Ты за меня не беспокойся, я себя знаю. У меня сил много. Я пойду вернусь. Пригожусь всем еще не раз, Дашенька. (Целует её).

ДАША. Мы выйдем вместе.

МАРФА. Куда ты?

ДАША. На завод.

МАРФА. У тебя бюллетень!

По радио спокойно и мерно начинает стучать метроном.

ДАША. Мамочка, если бы ты знала, какая у нас сейчас работа. Самая спешная, самая серьезная.

МАРФА. Ты не дойдешь до завода.

ДАША. Дойду, ведь я твоя дочь.

Быстро входит АРХАНГЕЛЬСКАЯ.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Руку! Да не пять пальцев, а пульс... Да... Ничего... Ровный. Пусть только война кончится – пойду на медицинский факультет. У меня сил хватит, черт побери, и на две профессии. Я очень рада. Вы на ногах.

МАРФА. Спасибо вам.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. В санитарной сумке у меня есть сульфидин, и диуретин, и стрептоцид. Все добыла. Вы зачем встали? Сидите!

ДАША. Мне надо идти на завод.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Я запрещаю вам! Черт меня побери! Раз в сто лет видишь результат своей работы, а вы меня хотите лишиться этой радости. Я требую, чтобы вы шли ко мне. У меня тепло. Мама ваша посидит возле. Я сбегая к военному прокурору насчет этих проклятых бревен, вернусь и на рояле вам поиграю. Не хотите?

ДАША. Товарищ Архангельская! Вы так горячо работаете в доме. А у меня своя работа. Раз уж я встала на ноги, так уж позвольте мне на завод пойти... Иначе невозможно.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Ладно.

МАРФА. Ну, дочка, в путь...

Вбегают НЮСЯ, ОЛЯ, ШУРИК.

ОЛЯ. Товарищ ВАСИЛЬЕВА, Ваш сын здесь был!

МАРФА. Кто?

НЮСЯ. Сын ваш.

МАРФА. Где же он? Где?

ШУРИК. Ушел.

МАРФА. Почему?

НЮСЯ. Мы сами не знаем. Он искал 9ю квартиру. Мы проводили. Слышим, он спрашивает-то товарища Красовскую. Я говорит, брат её.

ОЛЯ. Тогда мы ему все рассказали.

НЮСЯ. Он говорит: мама здесь? И вдруг повернулся и сбежал по лестнице. И ушел!

МАРФА. Куда?

ШУРИК. Прямо по каналу. Быстро пошел.

МАРФА. От меня убегает... В чем же я виновата? Я ведь для него все... Даша! Зачем? Что же это такое?

ДАША. Он, мамочка, не по злобе.

МАРФА. Я понимаю. Но ведь я столько времени шла, думала, что я ему скажу, что он мне скажет... Верните его...

ШУРИК. Сейчас.

МАРФА. Постой, не надо.

ШУРИК. Мне не трудно.

МАРФА. Нет, нет, не надо!

Дверь распахивается. На пороге останавливается очень высокий, очень крепкий молодой парень в военной форме.

Сережа!

СЕРЕЖА (хмуро). Здравствуй!

МАРФА. Ну,ходи! Входи!

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Ребята! Вы нужны мне. Марш, марш, марш ребята.

Быстро уходит Шурик, Оля, Нюся следом.

МАРФА. Сережа, я ведь за тобой пришла.

СЕРЕЖА. Да брось, мама.

МАРФА. Сереженька, подумай... Я теперь одна... Погоди. Как нарочно, в голове только шум, когда все решается... Смотри, вот я руку поранила, когда дома забор чинила. Помочь некому. Не в этом дело... Не в этом! Я сама справлюсь. Опустело очень в квартире теперь, вот в чем горе. Прошу тебя, идем домой.

СЕРЕЖА. Да оставь, мама.

МАРФА. Ты мальчик совсем. Мальчуган. Ты не знаешь, за что взялся.

СЕРЕЖА. Да ну еще...

МАРФА. У тебя и слов-то настоящих нет... А там машины, хуже всяких зверей... Там такое дело делается, серьезнее которого нет на свете... Я видела!

СЕРЕЖА. Да брось, мама.

МАРФА. погоди... Я сейчас соберусь с мыслями и скажу все... Пстой, пстой. Помолчи.

ГОЛОС ПО РАДИО. Внимание. Говорит городская трансляционная сеть. Слушайте концерт. В программе марши советских композиторов. Исполняет оркестр радиокомитета под управлением дирижера Иванова.

МАРФА. Сережа.

По радио гремит марш.

Всю ночь. Пока не задремала я тут возле Дашиной койки, всю ночь думала я: а вдруг сегодня война кончится? Не кончилась она. Сынок! Не оставляй меня!

СЕРЕЖА. Перестань, мама!

МАРФА. Неужели для матери родной нет у тебя других слов? Брось, да оставь, да перестань – только и всего?

Сережа молчит.

ДАША. Сережа!

СЕРЕЖА. Ну что, ну что вы от меня хотите, товарищи? Ну, не умею я разговаривать, не умею! Мама, ты думаешь, я не рад был тебя увидеть? Очень рад! Когда узнал, что ты здесь, я было убежал, но вернулся. Ты только не плачь!

МАРФА. Не буду.

СЕРЕЖА. Не плачь, пожалуйста. Я так и знал, что стану перед тобою столбом, дурак дураком, грубияном... Такой уж у меня характер, вот Даша знает. Но все-таки вот я пришел, мама. Не умею я говорить, ну как бы это сказать... О чувствах я не умею говорить. Мы грубоватые ребята. Вся наша компания такая. Но раз я вернулся повидаться с тобой – я все скажу... мама, ты слушаешь?

ИАРФА. Говори, сынок.

СЕРЕЖА. Мама, ты потерпи. Я должен был уйти воевать. Я не могу дома оставаться, не могу. Когда у Валабуевых сына ранили, мне стыдно было мимо их сада пройти, в глаза им взглянуть... Когда Петька Флигельман уезжал на фронт, я не пошел на станцию его провожать... Ты пойми, мама. Я сам не знал, что мне делать... О чем не услышу – мне кажется, это я во всем виноват, потому что дома сижу...

МАРФА. Ох, сынок, сынок!

СЕРЕЖА. Поехали мы окопы рыть. Хорошо. Роем. И вот вечером видим: выходит из лесу старик с маленькой девочкой на руках. Он через фронт бежал с внучкой от фашистов. Он говорит, а девочка молчит, смотрит на нас, не понимает за что это её вдруг стали так терзать. Жила, жила – и вот ни отца у нее, ни матери, ни кого... Ну, словом, чего уж тут говорить! Ночью взял я документы и Бориса Ефимыча и ушел. Я знал, мама, что на серьезное дело решился. Но не могу я иначе поступить. Если не разбить фашистов, то это будет не жизнь, а скотство... ты будь спокойна, я не пропаду. Я парень здоровый. И подраться я не дурак. Ты потерпи, я должен идти.

ДАША. Вот видишь, мама? Разве я с ним не говорила? Ничего тут не поделаешь. Как видно, мама, все нам надо отдать, тогда мы опять заживем вместе, еще лучше, чем жили.

ГОЛОС. Верно, верно, дочка!

МАРФА. Кто это?

Из-за печки выходит ЛАГУТИН.

ЛАГУТИН. Простите... Уснул я тут за печкой. Музыка разбудила меня. Хочу я вам сказать, да не смею... Слова у меня старинные, книжные. Марфа! Ты слушаешь меня?

МАРФА. Слушаю.

ЛАГУТИН. Марфа! Иные люди на мир глядят так, будто он им раб или слуга. Погибнут они позорною смертью. Другие же болеют за мир душою – их будет царствие во веки веков. Верую – не напрасно мучаемся мы, у кого совесть есть. Будет, будет праздник. Новый мир народится. Простите, ночь не спал, сам не знаю, что бормочу... Но будет, будет праздник! Пусть не сегодня, не завтра, но разорвется кольцо. Но нет врагу спасенья! Он уже умер! Умер!

Вбегает ОЛЬГА ПЕТРОВНА.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Я уже за хлебом отстояла, сейчас на всякий случай в Гастроном побегу постою. Ах! Да ведь это и есть твой сын, Марфа? Здравствуйте, Сергей Степанович!

СЕРЕЖА. Здравствуйте.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Да какие же вы рослые, да какие же вы славные. Уходите с мамой? Нет? Сразу видно, что нет. Уезжаете сражаться за нас? Сразу видно. А мы дома останемся скучать.

Глухой удар.

Вот и артобстрел начался. Поговорила бы я с вами, да в очередь нужно. (Собирает посуду). Внучка у меня возле бомбоубежища бегают, воздухом дышит, ждет, пока бабушка с охоты придет... До свидания, Марфа, голубушка, сестрица. До свидания, дочка. До свидания, сынок, (Убегает).

Вопль за сценой: «Составлю на вас акт. Дьяволы!».

ЛАГУТИН. Вот и управхоз идет.

Входит ИВАНЕНКОВ.

ИВАНЕНКОВ. Гады чертовы! Паразиты! Сложили в бомбоубежище печку из старых кирпичей, теперь там не продохнуть. Захар, ты монтер, или кто?

ЛАГУТИН. Монтер.

ИВАНЕНКОВ. А если монтер, то должен о лимитах помнить. На дворе уже светло, у него все лампочки горят. (Открывает занавесы на окнах. Гасит электричество). Ну, мамаша, говорят, к тебе сын пришел?

МАРФА. Да, вот он стоит.

Голос Архангельской за сценой: «Товарищ Иваненков!».

ИВАНЕНКОВ. Эх, поговорил бы я с вами, да надо шагать лес отбивать. Когда едете на фронт, товарищ?

СЕРЕЖА. Сейчас.

МАРФА. Сейчас?

ИВАНЕНКОВ. Эх, поговорил бы я с тобой! Я ведь сам старый партизан. После гражданских двух ребер не имею. Помню, напали мы...

Входит АРХАНГЕЛЬСКАЯ.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Товарищ Иваненков, вам известно, что такое время?

ИВАНЕНКОВ. Иду, иду.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. До свидания, товарищ Васильева. Дочку нашли, сына нашли. Какие у вас планы?

МАРФА. Останусь здесь.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Отлично. (Даше). Дайте пульс! (Считает).

ИВАНЕНКОВ (Марфе, понизив голос). Поди-ка сюда, мать. Могу тебе открыться. Ты человек свой. У нас декабрь на дворе? Так. Но и в январе, а возможно, что и дальше сурово будет идти жизнь в условиях осажденного города. У тебя есть обратный пропуск через фронт. Иди домой в Ореховец. Зачем тебе надрываться?

МАРФА. Мне тут найдется дело.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Что вы говорите?

МАРФА. Говорю. Мне и здесь найдется дело.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Правильно. Приспособим.

ИВАНЕНКОВ. Где будешь жить, товарищ Васильева?

ДАША. У меня, у меня.

ИВАНЕНКОВ. Тогда сегодня же сдай документы для временной прописки, согласно приказу Комитета обороны города.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Живите тут, Товарищ Васильева! Мы рады вам... У нас коллектив не плохой. Не все: конечно, жильцы хороши, но суровые условия, в общем, как-то их изменили... А может быть, и не изменили, а просто они теперь заслуживают более мягкого отношения, если их, конечно подтягивать.

Глухой удар значительно ближе. Звякнули стекла.

Идем.

ИВАНЕНКОВ. Идем, товарищ Архангельская, идем, под боевой марш. Ой, худо сейчас будет заву планового отдела треста!

АРХАНГЕЛЬСКАЯ. Без зубоскальства, пожалуйста! До свидания.

ИВАНЕНКОВ. Бодрей, бодрей, братцы.

Уходят.

МАРФА. Тебе когда отправляться сынок?

СЕРЕЖА. Начальник за мной заедет на машине.

МАРФА. Скоро?

СЕРЕЖА. С минуты на минуту.

Вбегают ШУРИК, НЮСЯ, ОЛЯ.

НЮСЯ. Товарищ Васильева, простите!

ШУРИК. Нам надо уходить. Мы хотели вам сказать что-то.

ОЛЯ. Нам говорил сейчас Иваненков, что вы остаетесь у нас жить.

МАРФА. Остаюсь, да.

НЮСЯ. Товарищ Васильева! Мы всю ночь подслушивали тут под дверью, как разговаривали вы со своей дочкой. Мы на тот случай, если надо будет сбегать куда-нибудь ночью.

ОЛЯ. И вот мы пришли сказать: знакомых у вас тут мало. Если что нужно, говорите прямо нам. Считайте, что мы свои.

НЮСЯ. Мы говорили ночью: кое-кто в наше время одичал от страха, на своих бросается, а кое-кто поумнел.

ШУРИК. Короче говоря, если будет какая-нибудь работка – пожалуйста, прямо к нам. В очередь или куда-нибудь сбегать. Крикните – Шурик, а я вам сразу: вот он Шурик!

НЮСЯ. А сейчас мы в школу идем.

ОЛЯ. Ходят слухи, что сегодня будут занятия.

ШУРИК. А завтрак горячий в школе дадут.

НЮСЯ. Замолчи, идиот! До свидания, товарищ Васильева!

ШУРИК. До свидания, до свидания все.

Уходят. Музыка обрывается.

Метроном снова начинает стучать неторопливо, мерно.

МАРФА. Начальник за тобой сюда зайдет?

СЕРЕЖА. Нет. С переулка даст сигнал автомобильным гудком.

МАРФА. Присядем перед отъездом.

Все садятся.

Ну что же, сынок! Отпускаю тебя, как отпустила старших братьев. Вернись здоров. (Достаёт из сумки сверток). Здесь свитер. Теплое белье. Только не могла я его чужой фамилией метить. Всюду метку поставила: Сергей Васильев. Грустно мне, что ты уходишь на такое серьезное дело под чужим именем, как будто украдкой.

СЕРЕЖА. Я под своей фамилией еду на фронт.

МАРФА. Под своей?

СЕРЕЖА. Ага. Я во всем признался в школе. Буза была. В Москву писали. Только сегодня ночью пришел ответ. Поэтому и задержался я.

МАРФА. Простили?

СЕРЕЖА. Разрешили, как отличнику учебы.

Пауза. Неясный шум за сценой.

МАРФА. Это не тебя вызывают?

СЕРЕЖА. Нет, не такой гудок.

Пауза.

ДАША. Мама, а в квартире у нас кто?

МАРФА. Павловна, старуха. Она за всем присмотрит.

СЕРЕЖА. Цыган скучал без меня?

МАРФА. Целыми ночами выл. Ничего, сынок, ничего. У меня сил много. Все будет славно. Все соберемся.

ДАША. Ты пиши каждый день.

СЕРЕЖА. Ладно.

Пауза.

МАРФА. Вот и разойдемся в разные стороны. Сережа на фронт, Даша на работу, а я по дому хлопотать, чтобы легче была жизнь.

ЛАГУТИН. Ничего. Ничего, Марфа. Будет, будет праздник. Доживем мы до радости. А если не доживем, умрем – пусть забудут, пусть простят неумелость, нескладность. Суетность нашу. А пусть приласкают, пусть похвалят силу, за терпение, за веру, за твердость, за верность.

Занавес.

1942